

Социальный контроль деятельности детских организаций в условиях современных вызовов безопасности*

С. Ткач¹, М. А. Сенникова², М. М. Русакова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Региональная общественная организация «Стеллит», Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Большая Разночинная, 16

Для цитирования: Ткач С., Сенникова М. А., Русакова М. М. Социальный контроль деятельности детских организаций в условиях современных вызовов безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 278–291. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.303>

Дети как целевая аудитория требуют специального подхода в оказании услуг. Это определяет психологические аспекты деятельности детских организаций. Целью таких организаций становится ориентация на наиболее значимые риски и страхи, связанные с детьми. Определение таких рисков является нетривиальной задачей, которая формируется из двух границ понимания опасности: общественного мнения и личного опыта. Эти две границы представляют собой основания социального контроля и реализацию его мер в реальных ситуациях риска. Для анализа первой границы был выделен контур наиболее острых страхов жителей Санкт-Петербурга в плоскости общественной безопасности детей. Было проведено популяционное исследование Санкт-Петербурга, в котором проанализировано представление жителей о возможных угрозах для детей в различных организациях — об их значимости и распространенности. Среди наиболее острых страхов жители выделяют незнакомых взрослых и подростков, объекты на улице и интернет. Дальнейшие шаги исследования предполагали анализ второй границы — определение конкретных ситуаций риска, с которыми сталкивались дети в этих организациях, а также то, как социальный контроль реализовывался через действия сотрудников. В рамках данной границы были проанализированы ситуации психологического и физического насилия в отношении детей. Для этой задачи были проведены фокусированные групповые интервью с подростками и учащимися высших учебных заведений для анализа их взаимодействия с организациями, оказывающими услуги детям (школы, детские кружки и др.). Полученные в них данные позволили сформулировать ряд общих рекомендаций, которые призваны снизить риски для детей в организациях такого рода.

Ключевые слова: детские организации, политика безопасности, общественный контроль, социальные риски.

Введение

Сфера работы с детьми обладает рядом специфичных для нее черт, которые определяют не только сам характер работы, но и общественный контроль над ее исполнением. От детей сложно ожидать такой же рациональности, какую мы ожи-

* Исследование проведено при поддержке Социологической клиники прикладных исследований СПбГУ.

даем от взрослых, их поведение в значительной мере определяется особенностями возрастной психологии и существующими представлениями о детях в обществе: о рисках, которым подвержены только дети, и о конкретных ситуациях, в которых они могут оказаться.

Под рисками будут пониматься ситуации, в которых существует непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка со стороны других людей. В качестве примеров таких ситуаций можно привести различные формы насилия по отношению к детям со стороны их сверстников и взрослых: вербальное, сексуализированное, физическое.

Ключом к организации работы с детьми может быть эффективная политика безопасности в организациях, которая будет не обращаться к стереотипным представлениям о рисках, а учитывать их действительную специфику. Такая политика может содержать в себе четкие инструкции для персонала.

Литературный обзор

Настоящая работа опирается на традицию исследований безопасности детства как темы социологии детства. Повышение ценности детей в глазах общества со временем сформировало не только более четкое представление людей о детстве как об особом периоде в жизни человека, но и создало множество представлений людей об опасностях, которые скорее или исключительно относятся к детству.

В соответствии с определением в Конвенции ООН, согласно которому «ребенком является каждое человеческое существо до 18-летнего возраста, если по закону, применяемому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»¹, можно определить детство как период в жизни человека от рождения и до достижения им 18-летнего возраста. Соответственно, под детскими организациями будут пониматься такие организации, которые оказывают какие-либо услуги людям, не достигшим 18-летнего возраста. Под услугами будут пониматься образовательные, рекреационные, услуги профессиональной ориентации, организации досуга и др. В качестве примера детских организаций можно привести школы, спортивные и образовательные кружки, парки развлечений и др.

Детство в различных его аспектах являлось предметом специального интереса в социологии. К основополагающим работам в социологии детства можно отнести работы И. Кона [1] или С. Щегловой [2]. Современные исследования в этой области, касающиеся тематики рисков в детстве, представлены в работах, рассматривающих концепции благополучия детей. Например, в работе В. Ослон, Г. Семья и др. описывается разработанная операциональная модель изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В данной модели благополучие ребенка рассматривается с позиции его удовлетворенности «системой своих отношений» к себе, другим, со средой, со своим «хронотопом» [3]. Другое понимание благополучия детей представлено в работе О. Кучмаевой, где исследовательница рассматривает благополучие в контексте «глобальных проблем функционирования института семьи, решение которых определяется характером

¹ Конвенция о правах ребенка. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.11.2022).

взаимодействия семьи с другими общественными институтами» [4, с. 98]. Концепция благополучия затрагивает более широкую перспективу рассмотрения темы детства, нежели та, которая представлена в этой работе, и исследует детство сквозь призму множества факторов: здоровья, удовлетворенности, организации досуга, возможности самореализации и т. д.

Отдельного упоминания заслуживают исследования, посвященные образу «чужака» в жизни ребенка — незнакомого взрослого, несущего потенциальную опасность. В таких работах демонстрируется, как в страхе в отношении детей отражаются актуальные общественные проблемы и как нередко такой страх вытесняет собой другие опасения о судьбах детей. Например, это отражено в работе Дж. Беста (J. Best), где автор конструирует образ «чужака» в мифах об отравленных сладостях на Хеллоуин [5]. Он заключает, что такой миф о «чужаке» (взрослом отравителе) нередко является воплощением опасений родителей по поводу иных опасностей, которые не высказываются открыто и выражаются в такой индифферентной форме. Более полную концептуализацию идей опасений родителей о своих детях дал Р. Пейн (R. Pain) в своей классической работе. Автор демонстрирует, что основное содержательное наполнение таких страхов и опасений имеет социальную и культурную природу. В частности, в зависимости от исторического контекста или локальных происшествий могут меняться типы, ситуации и пространства, которые родители находят опасными. В определенной местности такими опасными пространствами могут стать школы, в другом — детские сады, поликлиники, дорога до дома и т. д. [6]. Говоря о релевантности таких теорий российской действительности, можно привести выводы, к которым приходит И. Яблоков в своей монографии. Автор отмечает, что идея чужака, представляющего опасность для детей, глубоко укоренена в российской массовой культуре и часто выступает в роли новостного сюжета в средствах массовой информации, вызывая активный интерес у аудитории [7]. Более конкретный анализ таких мифов о «чужаке и детях» приводят А. Архипова* и А. Кирзюк в своей монографии, замечая, что эти мифы приобретают широкое распространение уже в советское время. Современные же вариации мифов «о чужаке» во многом опираются на свои советские прототипы [8]. Эти мифы оказывают значительное влияние на представления родителей о возможных рисках и опасностях для их детей. Так, какое-то учреждение может казаться родителям тем опаснее, чем выше вероятность встречи в нем с «чужаком». Настоящая работа наследует исследовательскую идею, состоящую в том, что первичные концепты ориентированы на разграничение потенциально знакомых и незнакомых мест.

Современные социологические п

редставления о рисках в контексте воображаемой или реальной опасности чужака представлены в теории доброжелательности городов. Идея о городе как месте, априорно таящем в себе опасность, была явно сформулирована в классической монографии О. Ньюмана (O. Newman) «Защищенное пространство: люди и дизайн в опасном городе», см.: [9]. В ней автор анализирует, как на протяжении истории индустриального развития город начал пониматься как недоброжелательное и чужое для человека пространство. О. Ньюман предлагает идею *safe space* — неболь-

* Архипова Александра внесена Минюстом в реестр иностранных агентов.

шого огороженного места под охраной, где чувство безопасности горожан будет восстановлено. Противоположная этой идее позиция заключается в том, что город целиком должен снова стать безопасным, выглядеть доброжелательным для горожан. Концепция доброжелательности городов была сформулирована в программных документах UNICEF². В отечественных исследованиях она представлена в работах А. Бесчасной и А. Ключева. Авторы отмечают, что существует явная связь между динамикой численности населения и измеряемой доброжелательностью города по методике UNICEF «Города, доброжелательные к детям». В городах, которые оказываются более доброжелательными, наблюдается рост численности населения [10]. Также А. Бесчасная указывает, что концепция доброжелательности городов может выступать в качестве модели для проектирования города, наиболее безопасного и комфортного для детей [11]. Концепция доброжелательного города является более широкой и универсальной, нежели рассматриваемая в статье проблема, однако ее принципы синонимичны тем, которые могут быть применены в детской организации: создание безопасного и доброжелательного пространства посредством воплощения и реализации заранее продуманного свода правил.

Говоря более конкретно о безопасности детей в организациях, можно привести работы М. Пауэлла (M. Powell), А. Грэма (A. Graham) и др., в которых авторы выделяют несколько парадигм рассмотрения политики обеспечения безопасности детей в детских учреждениях. Эти парадигмы уделяют особое внимание либо потребностям и поведению самого ребенка, либо факторам риска конкретной организации [12]. Говоря о релевантности для российской действительности такой линии рассуждения, следует заметить, что эта тема поднимается и в работах отечественных авторов. В частности, А. Пунгина, А. Зайнагодинова и др. в своем исследовании показывают основные формы, которые приобретает это взаимодействие во внешкольной деятельности детей [13]. Другим аспектом рассматриваемой темы оказывается понимание работы специалистов с детьми как элемента социальной политики, реализуемой государством в отношении детей. Это тематическое направление нашло широкий отклик в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Например, в работе Л. Окольской продемонстрировано, что разрабатываемая политика определяет как основные принципы обращения сотрудников с детьми (универсализм, индивидуализация, гуманность, консерватизм, чувствительность к переменам), так и непосредственно методы, к которым обращаются сотрудники (стимулирование, приведение к норме, запреты) [14]. Однако важно заметить, что указанные работы либо обращаются к более высокому уровню абстракции (принципы работы, методики), либо погружают непосредственно работу с детьми в более широкий контекст социальной политики.

Интересными видятся выводы Т. Стенли (T. Stanley), который использует концептуализацию акторно-сетевой теории для понимания возможных факторов риска в деятельности специалистов по социальной работе. Автор отмечает, что классическое понимание факторов риска на работе исключает из поля зрения приборы, инструменты и другие неживые предметы как факторы риска. Их дополнение через акторно-сетевую теорию позволяет значительно расширить представления о факто-

² What is a child-friendly city? URL: <https://childfriendlycities.org/what-is-a-child-friendly-city/> (дата обращения: 09.11.2022).

рах риска в работе с людьми и сделать такое представление более комплексным [15]. В социологическом ключе ситуации риска в организациях, оказывающих услуги детям, могут быть рассмотрены сквозь призму теории социального контроля. Как отмечает Я. Гилинский, под социальным контролем понимается «механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения» [16]. Ситуации риска в том ключе, в каком они рассмотрены в этой работе (насилие в отношении детей со стороны сотрудников и сверстников), могут пониматься как такого рода нормонарушения. От детской организации, соответственно, требуется адекватно реагировать на такие ситуации риска, минимизируя их вероятность и последствия для детей.

Резюмируя, можно сформулировать проблему исследования в следующем виде: существует недостаток понимания различий в общественных представлениях ситуаций риска как оснований социального контроля и содержания действительно существующих ситуаций риска. Социальный контроль ориентирован на наиболее значимые, согласно общественным представлениям, риски. В то же время такие представления могут не совпадать с ситуациями риска, которые действительно присутствуют в детских организациях.

Методика и методология

Опишем более подробно, как организации обеспечивают безопасность своей работы. Существуют различные позиции понимания значимости рисков. Речь идет об общественных представлениях о возможных опасностях, которые грозят ребенку. Эти опасности видятся значимыми для родителей и персонала организаций как носителям этих представлений. Возникают две препозиции, на которых организации строят свою деятельность: необходимость удовлетворить запрос своих клиентов (родителей), а также непосредственный опыт столкновения с ситуациями риска. Отсюда цель данного исследования — проанализировать общественные представления как основания социального контроля в детских организациях и ситуации риска в таких организациях, в рамках которых реализуется социальный контроль. Первая задача исследования: проанализировать представления взрослых жителей Санкт-Петербурга о рисках для детей.

В качестве метода реализации поставленной задачи был выбран телефонный опрос, который проходил в период с 02.03.2021 по 19.03.2021 на базе ресурсного центра «Центр социологических и интернет-исследований СПбГУ». Выборочная совокупность составила 1 тыс. человек и была репрезентативна генеральной совокупности жителей Санкт-Петербурга старше 25 лет по двум параметрам: возрасту и полу. Мужчины и женщины были разделены на шесть возрастных групп: 25–30, 31–35, 36–45, 46–55, 56–65 и старше 66 лет. В выборочную совокупность людей, столкнувшихся с актом неприемлемого поведения по отношению к их несовершеннолетним детям или родственникам, попали 311 человек.

Вторая задача исследования заключалась в анализе оснований социального контроля в детских организациях и того, какие ситуации риска чаще всего происходят в таких организациях. В качестве метода было выбрано фокусированное групповое интервью с детьми, а также с молодыми людьми в возрасте от 18 до

25 лет, в чьем детском опыте были такие ситуации риска. Ситуация риска не является чем-то само собой разумеющимся — это конструируемая категория, которая создается на основе личного опыта и общественных представлений. Однако мы можем валидировать ситуацию риска через иные критерии. Таким критерием является субъективное ощущение страха, когда человек сталкивается с опасностью лицом к лицу. В исследуемой нами теме под ситуацией риска мы понимаем именно ситуацию опасности для ребенка как реципиента услуг. Вторым теоретическим аргументом является рассмотрение отношений ребенка — взрослого как иерархических. Взрослый обладает преимуществом в объеме располагаемых ресурсов, общественном статусе, а потому в символической и инструментальной власти. По этим причинам, как отмечает Д. Смит (D. Smith), следует обратиться к обладателю имплицитной информации об устройстве системы — тому, у кого меньше ресурсов и власти [17]. В конкретной ситуации — к ребенку.

По этим причинам были проведены три фокусированных групповых интервью с 01.04.2021 по 04.04.2021 — одно интервью с подростками, возраст которых составил 17 лет, и два интервью с молодыми людьми в возрасте 18–25 лет. Всего в фокусированных групповых интервью приняли участие 14 женщин и четверо мужчин; 9 участников интервью были в возрасте 17 лет и 9 участников — в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось в соответствии с этическими стандартами проведения социальных исследований, в том числе с участием детей. Участники исследования заполняли форму информированного согласия, в которой было указано, что оно включает в себя чувствительные вопросы личного характера о том, чем информанты занимались в детстве и какие комфортные и, наоборот, небезопасные ситуации происходили с ними и/или их знакомыми. Также в информированном согласии отмечалось, что, если по каким-то причинам информантам будет неудобно отвечать на тот или иной вопрос, они могут этого не делать.

Возвращаясь к теоретической рамке, обозначенной Я. Гилинским, можно заметить, что социальный контроль в виде тех или иных мероприятий, которые проводят организации, чтобы справиться с возможными ситуациями риска, если он не регламентирован в виде документов и инструкций, осуществляется сотрудниками интуитивно. Другими словами, если в организации нет соответствующих кодексов безопасности, предотвращение ситуаций риска или работа с их последствиями может вестись очень по-разному, в зависимости от представлений сотрудников, их субъективной оценки ситуации и иных случайных факторов. Мероприятия и действия организации могут быть выделены из рассказов о конкретных ситуациях риска.

Построенная таким образом теоретическая модель позволяет рассмотреть социальный контроль в отношении ситуаций риска в детских организациях с двух позиций:

- 1) общественное представление о рисках как основание социального контроля;
- 2) реализация этого контроля в мерах, предпринимаемых сотрудниками, чтобы справиться с происходящими ситуациями риска.

Объектом исследования выступают ситуации риска в детских организациях.

Предметом исследования являются общественные представления о таких феноменах, как основания социального контроля и реализация этого контроля в происходящих ситуациях риска.

Результаты

Рассмотрим в первую очередь заявленную задачу о рассмотрении представлений петербуржцев о ситуациях риска. Жителям Санкт-Петербурга был задан вопрос: «Кто или что, по Вашему мнению, представляет наибольшую угрозу для безопасности и благополучия детей?» По мнению респондентов, наибольшую угрозу для детей представляют незнакомые взрослые (65 %) и подростки в общественных местах (63 %). Одновременно с этим знакомые взрослые или сверстники также могут быть опасны, но в значительно меньшей степени. Сотрудников детских учреждений как людей, представляющих угрозу, указали только 8 % опрошенных.

Если говорить про организации, работающие с детьми, то 63 % опрошенных оценивают детские организации как безопасные. Однако нет такой детской организации, безопасности которой жители доверяли бы полностью. Например, школу полностью безопасной считает только 15 % опрошенных. Наиболее безопасными, по мнению опрошенных, являются художественные и музыкальные школы, секции — полностью безопасными их считают 36 % жителей Санкт-Петербурга.

Оценки респондентов уровня опасности не имели значимой связи с возрастом этих респондентов. Слабая отрицательная корреляция наблюдалась только в отношении оценки рисков детских лагерей (корреляция Спирмена $-0,25$, p -значение $< 0,001$) и детских развлекательных центров (корреляция Спирмена $-0,23$, p -значение $< 0,001$).

Вопрос «Сталкивались ли Вы в течение последних пяти лет с какими-либо из следующих ситуаций в отношении своего ребенка (родственника) в детском учреждении?» показал, что 68 % респондентов, у которых есть дети или несовершеннолетние родственники, не сталкивались с предложенными в вопросе ситуациями. Однако оставшиеся ($N = 221$) указывали на случаи физического (удары, пинки, побои), эмоционального (крики, унижения, распространение слухов) воздействия как самые частые (17 и 15 % соответственно). Также были отмечены случаи фото- и видеосъемки без разрешения ребенка, дискриминации по полу, возрасту, национальности, сексуализированные шутки в адрес ребенка.

Также был задан вопрос о том, кем приходились агрессоры по отношению к пострадавшим. Ими оказались группы сверстников (33 %), другие дети (33 %) и взрослые в лице педагога или воспитателя (25 %).

Благодаря ответам на вопрос «В каком образовательном учреждении это происходило?» было выявлено, что чаще всего неприемлемые ситуации происходили в начальной и средней школах. Так, 33 % отмеченных случаев произошли в средней школе, 27 % случаев — в начальной, тогда как в старшей школе произошли только 4 % неприемлемых ситуаций.

Незнакомые места, как видно из результатов исследования, кажутся жителям более опасными, нежели известные им. В связи с этим организации предпринимают значительные усилия, чтобы показаться родителям знакомыми и привычными и внушить доверие к своей деятельности.

В задачи исследования входило реконструирование второго аспекта теоретической модели — случаев реальных ситуаций риска и проявления социального контроля в них. Первой темой фокусированного группового интервью было вы-

деление наиболее типичных ситуаций риска. Информантов просили вспомнить о таких случаях в своем опыте или в опыте их знакомых. Среди наиболее частых ситуаций, называемых информантами, присутствуют случаи физического насилия со стороны учителей и одноклассников в общеобразовательных школах: «Она могла линейкой там. У нее длинная линейка такая железная была. Она могла пройти, так по плечу так ударить, задеть и все...» — история пострадавшей ученицы школы. «Он не ходил в школу, и мы приходили с парнями, как в американских школах, ему яйца в окна кидали в открытые там форточки...» — история ученика школы — участника ситуации риска.

Другой типичной ситуацией является физическое и эмоциональное насилие со стороны посетителей детских досуговых учреждений, например бассейнов или музыкальных кружков и школ: «Вот, потом, когда, знаете, как после бассейна некоторые там любят полотенца скрутить, начать раздавать всем...» — история пострадавшего подростка — посетителя бассейна. Похожую историю рассказывает пострадавшая ученица музыкальной секции: «Потом меня отдали в другую музыкальную школу. Ну, это начался просто ад реально, потому что... на вас могут кричать, там, пальцы вам вставлять куда-нибудь, че-нибудь еще, но когда вас реально унижают и наедине, и в группе, и вас... все полтора часа о вас высказывают все, что о вас думают, о вашей внешности, о ваших каких-то проблемах в семье...»

Некоторые информанты также среди частых ситуаций риска упоминали эмоциональное насилие со стороны учителей общеобразовательных школ: «И мне не нравилось, потому что, ну, был просто преподаватель, который... ну, по моему мнению, очень сильно кричал. Мне было страшно. И я помню, что я некоторые занятия прогуливал, ну, потому что я просто прятался в туалете».

Второй темой, которая поднималась во время фокусированных групповых интервью, были те меры контроля, при помощи которых сотрудники детских учреждений поддерживали безопасность. Речь, как правило, шла о поддержании дисциплины. Среди типичных форм реализации социального контроля информанты указывали вербальные замечания, которые часто эскалировали до эмоционального насилия со стороны преподавателей школ. «В нашем классе были два мальчика, которые очень плохо учились, и у нас было два учителя, которые могли целый урок посвятить тому, как они их отчитывают. <...> это может затянуться на весь урок про то, как она их отчитывает, что они в жизни ничего не добьются, что вот они, как они так могут к учебе относиться», — история пострадавшей ученицы школы. Похожий паттерн поведения рассказывает и другая информантка: «Вот она последний раз на меня орала, получается. Я такая. Ну, она орет и орет. Я, получается, ее перебиваю и говорю вот так вот: “Зачем вы на меня орете. Не надо орать. Говорите потише, тише. Будьте потише”. Она, по-моему, еще больше начала орать».

Следующей темой фокусированного группового интервью выступали те практики, к которым прибегали сотрудники, чтобы справиться с ситуацией риска. Нередкими были случаи, когда сотрудники отказывались принимать какое-либо участие в разрешении ситуаций риска. Мы можем говорить об отсутствии явной реализации социального контроля. Так об этом рассказывает пострадавший ученик школы: «...это просто было некрасиво со стороны преподавательницы, потому что они такие: “Я не при деле, я не при деле, ниче не вижу, ниче не знаю”». Кроме

того, несмотря на то что именно сотрудники должны обеспечивать безопасность в детских организациях, информанты упоминали их в качестве акторов насилия чаще остальных.

Положительный опыт разрешения ситуаций риска связан со случаями, когда сотрудники принимают решение по прошествии определенного промежутка времени. У них появляется время, чтобы обдумать возможные пути решения и поступить более *рассудительно*, как об этом говорят информанты. Примером такого положительного опыта может быть обращение к значимому взрослому, который не вовлечен непосредственно в саму ситуацию и может ее проанализировать со стороны, о чем рассказывает один из информантов: «У нас есть завуч по воспитательной работе, как раз-таки по этим делам, если бы они до него дошли, ситуация бы закончилась раньше, чем она закончилась по факту. Почему? Потому что мужчина был очень рассудительный, вот этот завуч, и у меня он пользовался авторитетом. То есть я его уважал, я это хотел сказать. Да, что, как бы к его мнению я мог реально прислушаться, нежели к мнению любого другого учителя в школе по поводу моего поведения с какой-то жертвой буллинга». Сотрудникам также удается эффективно справляться с ситуациями риска, если сами ситуации не требуют немедленного решения от участников. Так об этом рассказывает информантка — посетительница спортивной секции: «А мне кажется, что тренера и физруки, они при всех — одни, а наедине — совсем другие. Вот у меня такая ситуация была в [спортивной] школе. У меня как-то, ну, не особо ко мне относился какое-то время, я подошла, наедине поговорила, и все хорошо. Все выяснили».

Как мы видим, ответные меры на произошедшие ситуации риска оказываются крайне разнообразными ввиду того, что чаще всего они происходят реактивно: люди решают, как себя вести, в моменте. Однако если бы сотрудники и дети опирались на какое-то кодифицированное воплощение норм социального контроля (кодекс, инструкцию, свод правил и т. д.), их действия могли бы больше соответствовать ситуации, а последствия для всех участников оказались бы менее болезненными и травмирующими. Таким образом, разработанная политика безопасности в виде свода инструкций позволяет создать безопасную и комфортную среду.

Выводы и дискуссия

Общественные представления как основания социального контроля концентрируются вокруг образов незнакомых пространств и незнакомцев, с которыми там может встретиться ребенок. К числу таких пространств можно отнести транзитные улицы, соседние районы, детские площадки. Людьями, которые могут представлять опасность для ребенка и причинить ему вред, являются, по мнению родителей, случайно оказавшиеся там прохожие. В действительности же такая позиция является заблуждением. Как правило, насилие в отношении детей совершают знакомые им взрослые. Особенно это выражено в сексуализированном насилии. Как пишет Ю. Розвезева, всего 38 % преступников были незнакомы пострадавшим детям [18]. Из-за этого заблуждения социальный контроль оказывается направлен на формирование образа привычного и знакомого пространства в детских организациях. Реализация такого подхода не ведет к действительному снижению риска

для детей. Говоря же о конкретных ситуациях риска и реализации в них социального контроля, данные фокусированных групповых интервью позволили продемонстрировать, что, с точки зрения самих детей, сотрудники организаций часто занимают пассивную позицию в разрешении возникших проблем либо сами могут становиться источниками опасности. Чаще всего негативные последствия возникают, когда сотрудникам необходимо быстро принять решение. Возможной причиной таких действий сотрудников может быть отсутствие явных кодифицированных норм социального контроля. О необходимости разработки таких норм пишут Н. Бысик, С. Косарецкий и М. Пинская. Исследователи приходят к идее, что необходимо отказаться от устоявшихся профессиональных практик в пользу новых современных [19]. Такие практики могут быть сформированы посредством предлагаемой ими модели обучения педагогов и закреплены в единой системе профессиональных стандартов. Стандарты должны разрабатываться на основании данных эмпирических исследований, о чем пишет Р. Варшак (R. Warshak), анализируя личные и профессиональные риски в работе сотрудников органов опеки [20]. Такого рода кодифицированные нормы позволяют снизить уровень насилия в детских организациях. Об этом применительно к сексуализированному насилию пишут Д. Рассел (D. Russell) и др. Исследователи в межстрановом сравнительном исследовании приходят к выводу, что такие кодексы позволяют сформировать у школьников и школьных сотрудников навыки поведения в кризисных ситуациях. Но эмпирических данных для более детального рассмотрения результатов недостаточно [21].

Однако у подхода, раскрываемого в этой статье, есть и явные ограничения, о чем пишет Д. Браун (D. Brown). Исследовательница в своей статье демонстрирует, как излишняя концентрация на концепции риска в дискурсе социальной политики в отношении детей делает невидимыми другие возможные сопутствующие проблемы. В частности, отмечает она, такая риск-ориентированная политика может оказаться неэффективной из-за давления, которое она оказывает, что требует от агентов социальной политики, внедряющих ее, большой аккуратности в своих действиях [22]. Говоря о других ограничениях, важно упомянуть, что мы обращаемся к переживаемому опыту детей в ситуациях риска и исключаем, таким образом, из рассмотрения эпизоды, когда риск существовал, но не был распознан детьми. То же справедливо и в отношении взгляда самих сотрудников на проблему: риски могут пониматься ими в совсем другом ключе. Также ограничением исследования является география выборочной совокупности: и в опросе, и в фокусированных групповых интервью принимали участие жители Санкт-Петербурга. Безусловно, ситуации риска, представленные в исследовании, встречаются не только в Санкт-Петербурге. Однако общественные представления об их распространенности и опасности могут варьироваться в зависимости от населенного пункта, миграционной активности, работы социальных служб и т. д.

Приведенные выводы позволили обозначить направления для дальнейших исследований. В первую очередь необходима более детальная разработка принципов, которые могут лечь в основу кодексов поведения, — рассмотрение конкретных ситуаций риска и сценариев поведения сотрудников при помощи методов case study. Вторым важным аспектом являются современные общественные изменения, которые могли сложным образом отразиться на самих ситуациях риска. Речь идет о пандемии коронавирусной инфекции. Об этом упоминают

в своей работе Б. Данило (B. Danilo) и др., когда пишут, что периоды изоляции во время пандемии дополнительно сказались на устойчивости школьников перед стрессом и их психологическом состоянии [23]. В связи с этим дети требуют дополнительного внимания со стороны детских организаций. На это также указывают Э. С. Маркес (E. S. Marques) и др. Авторы утверждают, что дети оказались одной из наиболее уязвимых к насилию групп из-за общественных изменений, привнесенных пандемией [24].

Литература

1. Кон И. С. Ребенок и общество: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003.
2. Щеглова С. Н. Социология детства. М.: Институт молодежи, 1996.
3. Ослон В. Н., Семья Г. В., Прокотьева Л. М., Колесникова У. В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 6. С. 41–50.
4. Кучмаева О. А. Экономическое благополучие семей с детьми: мониторинг государственной социальной политики // Повышение открытости отечественной статистики: материалы международной научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику — Дню работника статистики. М.: Юрайт, 2016. С. 97–103.
5. Best J., Horiuchi G. The razor blade in the apple: The social construction of urban legends // Social Problems. 1985. No. 32 (5). P. 488–499.
6. Pain R. Paranoid parenting? Rematerializing risk and fear for children // Social and Cultural Geography. 2006. No. 7 (2). P. 221–243.
7. Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
8. Архипова А.*, Кирзюк А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
9. Кияненко К. Архитектура и безопасность: «Защищающее пространство» Оскара Ньюмана // Архитектурный вестник. 2011. № 5. С. 86–92.
10. Бесчасная А. А., Клюев А. В. Российские города в контексте «доброжелательности к детям» // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3, № 3 (11). С. 263–272.
11. Бесчасная А. А. «Доброжелательность к детям» в российских городах // Экономические и гуманитарные науки. 2017. № 6 (305). С. 26–39.
12. Powell M. A., Graham A., Canosa A., Anderson D., Taylor N., Robinson S., Moore T., Thomas N. P. Children and safety in Australian policy: Implications for organisations and practitioners // Australian Journal of Social Issues. 2021. No. 56 (1). P. 17–41.
13. Пунгина А. П., Зайнагоудинова А. О., Сенникова М. А., Авдеева В. П., Одинокова В. А., Русакова М. М. «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 132–167.
14. Окольская Л. А. Модернизационные и консервативные изменения в постсоветской социальной политике в отношении детей // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 262–292.
15. Stanley T. Working at the nexus of risk: Statutory child protection // International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2010. No. 5 (6). P. 87–97.
16. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алеф-Пресс, 2018.
17. Smith D. Sociological theory: Methods of writing patriarchy // Feminism and Sociological Theory. Key Issues in Sociological Theory. 1989. No. 4. P. 34–64.
18. Розвезева Ю. С. Характеристика лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Инновационная наука. 2017. № 3-2. С. 142–145.
19. Бысик Н. В., Косарецкий С. Г., Пинская М. А. Проектирование модели профессионального развития педагогов школ, функционирующих в неблагоприятных социальных условиях, работаю-

* Архипова Александра внесена Минюстом в реестр иностранных агентов.

ших с учащимися с риском образовательной неуспешности: эмпирическая основа и ключевые составляющие // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 87–101.

20. *Warshak W. A.* Risks and realities of working with alienated children // *Family Court Review*. 2020. No. 58 (2). P. 432–455.

21. *Russell D., Higgins D., Posso A.* Preventing child sexual abuse: A systematic review of interventions and their efficacy in developing countries // *Child Abuse & Neglect*. 2020. No. 102. P. 104395.

22. *Brown D. J.* Working the system: Re-thinking the institutionally organized role of mothers and the reduction of “Risk” in child protection work // *Social Problems*. 2006. No. 53 (3). P. 352–370.

23. *Danilo B., Roland D., De Rose C., Vásquez-Hoyos P., Ramly B., Chakakala-Chaziya J. N., Munro F., González-Dambrauskas S.* Schools closures during the COVID-19 pandemic: A catastrophic global situation // *The Pediatric Infectious Disease Journal*. 2021. No. 40 (4). P. 146–150.

24. *Marques E. S., Moraes C. L. D., Hasselmann M. H., Deslandes S. F., Reichenheim M. E.* Violence against women, children, and adolescents during the COVID-19 pandemic: Overview, contributing factors, and mitigating measures // *Cadernos de Saude Publica*. 2020. Vol. 36 (4). Art. 36.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Ткач Сергей — sergey@ngostellit.ru

Сенникова Мария Александровна — marija.sennikova@gmail.com

Русакова Майя Михайловна — канд. социол. наук, доц.; maia@ngostellit.ru

Social control of the activities of children’s organizations in the context of modern security challenges*

S. Tkach¹, M. A. Sennikova², M. M. Rusakova¹

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Regional Public Organization of Social Projects in Sphere of Population’s Wellbeing “Stellit”,
16, Bolshaya Raznochinnaya ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation

For citation: Tkach S., Sennikova M. A., Rusakova M. M. Social control of the activities of children’s organizations in the context of modern security challenges. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 3, pp. 278–291. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.303> (In Russian)

Children, as the target audience, require a special approach in the provision of services. This determines the psychological aspects of the activities of children’s organizations. The purpose of such organizations is to focus on the most significant risks and concerns associated with children. The definition of such risks becomes a non-trivial task, which is formed from two boundaries of understanding the danger: public opinion and personal experience. These two boundaries represent the foundations of social control and the implementation of social control measures in real situations of risk. For the analysis of the first boundary, the contour of the most acute fears and fears of the inhabitants of St. Petersburg in the plane of the public safety of children was identified. A population study was conducted in St. Petersburg, which analyzed the perception of residents about possible threats to children in various organizations — about their significance and prevalence. Among the most acute fears, residents single out unfamiliar adults and teenagers, objects on the street and the Internet. The further steps of the research involved the analysis of the second frontier — the identification of specific risk situations that children encountered in these organizations, as well as how social control

* The study was realized with the support of the Sociological Clinic of Applied Research of St. Petersburg State University.

was implemented through the actions of employees working with risk situations. Within this boundary, situations of psychological and physical violence against children were analyzed. For this task, focused group interviews were conducted with adolescents and students of higher educational institutions to analyze their interaction with organizations providing services to children (schools, children's circles, etc.). The data obtained in them made it possible to formulate a number of general recommendations that are designed to reduce the risks for children in organizations of this kind.

Keywords: children's organizations, safety policy, public control, social risks.

References

1. Kon I.S. *Child and society: Textbook for students of higher educational institutions*. Moscow, Academy, 2003. (In Russian)
2. Shcheglova S. N. *Sociology of childhood*. Moscow, Institute of Youth, 1996. (In Russian)
3. Oslon V. N., Semya G. V., Prokopieva L. M., Kolesnikova U. V. Operational model and tools for studying the subjective well-being of orphans and children left without parental care. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2020, vol. 25, no. 6, pp. 41–50. (In Russian)
4. Kuchmaeva O. A. Economic well-being of families with children: Monitoring of state social policy. *Povyshenie otkrytosti otechestvennoi statistiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi professional'nomu prazdniku — Dniu rabotnika statistiki* (pp. 97–103). Moscow, Yurait Publ., 2016. (In Russian)
5. Best J., Horiuchi G. The razor blade in the apple: The social construction of urban legends. *Social Problems*, 1985, no. 32 (5), pp. 488–499.
6. Pain R. Paranoid parenting? Rematerializing risk and fear for children. *Social and Cultural Geography*, 2006, no. 7 (2), pp. 221–243.
7. Yablokov I. *Russian culture of conspiracy. Conspiracy theories in the post-Soviet space*. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2021. (In Russian)
8. Arkhipova A.*, Kirzyuk A. *Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (In Russian)
9. Kiyanko K. Architecture and Security: “Protective space” by Oscar Newman. *Arkhitekturnyi vestnik*, 2011, no. 5, pp. 86–92. (In Russian)
10. Beschasnaya A. A., Klyuev A. V. Russian cities in the context of “goodwill to children”. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 263–272. (In Russian)
11. Beschasnaya A. A. “Goodwill to Children” in the Russian Cities. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2017, no. 6 (305), pp. 26–39. (In Russian)
12. Powell M. A., Graham A., Canosa A., Anderson D., Taylor N., Robinson S., Moore T., Thomas N. P. Children and safety in Australian policy: Implications for organizations and practitioners. *Australian Journal of Social Issues*, 2021, no. 56 (1), pp. 17–41.
13. Pungina A. P., Zainagotdinova A. O., Sennikova M. A., Avdeeva V. P., Odinkova V. A., Rusakova M. M. “For him not to hang out”: Extracurricular activities as a preventive measure of children's deviant behavior. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2022, vol. 25, no. 1, pp. 132–167. (In Russian)
14. Okolskaya L. A. Modernization and conservative changes in the post-Soviet social policy towards children. *Voprosy obrazovaniia*, 2019, no. 2, pp. 262–292. (In Russian)
15. Stanley T. Working at the nexus of risk: Statutory child protection. *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*, 2010, no. 5 (6), pp. 87–97.
16. Gilinsky Ya. I. *Criminology: Theory, history, empirical base, social control*. 3rd ed., rev. and enl. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2018. (In Russian)
17. Smith D. Sociological theory: Methods of writing patriarchy. *Feminism and Sociological Theory. Key Issues in Sociological Theory*, 1989, no. 4, pp. 34–64.
18. Rozvezeva Yu. S. Characteristics of persons who have committed crimes against the sexual inviolability of minors. *Innovatsionnaya nauka*, 2017, no. 3-2, pp. 142–145. (In Russian)
19. Bysik N. V., Kosaretsky S. G., Pinskaya M. A. Designing a professional development model for school teachers operating in unfavorable social conditions, working with students at risk of educational

* Arkhipova Aleksandra included by the Ministry of Justice in the register of foreign agents.

failure: an empirical basis and key components. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie*, 2018, vol. 23, no. 5, pp. 87–101. (In Russian)

20. Warshak W. A. Risks and realities of working with alienated children. *Family Court Review*, 2020, no. 58 (2), pp. 432–455.

21. Russell D., Higgins D., Posso A. Preventing child sexual abuse: A systematic review of interventions and their efficacy in developing countries. *Child Abuse & Neglect*, 2020, no. 102, p. 104395.

22. Brown D. J. Working the system: Re-thinking the institutionally organized role of mothers and the reduction of “Risk” in child protection work. *Social Problems*, 2006, no. 53 (3), pp. 352–370.

23. Danilo B., Roland D., De Rose C., Vásquez-Hoyos P., Ramly B., Chakakala-Chaziya J. N., Munro F., González-Dambrauskas S. Schools closures during the COVID-19 pandemic: A catastrophic global situation. *The Pediatric Infectious Disease Journal*, 2021, no. 40 (4), pp. 146–150.

24. Marques E. S., Moraes C. L. D., Hasselmann M. H., Deslandes S. F., Reichenheim M. E. Violence against women, children, and adolescents during the COVID-19 pandemic: Overview, contributing factors, and mitigating measures. *Cadernos de Saude Publica*, 2020, art. 36.

Received: November 1, 2022

Accepted: April 28, 2023

Authors' information:

Sergey Tkach — sergey@ngostellit.ru

Maria A. Sennikova — marija.sennikova@gmail.com

Maya M. Rusakova — PhD in Sociology, Associate Professor; maia@ngostellit.ru